

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

ДИМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ ПАНИН. Тира-
ноборец, отшельник, умица, благородней-
ший человек, упрямец, бунтарь. Один из
святых мучеников, о котором в отечестве
знают пока слишком мало, он прошел через
все круги сталинского ада. В романе «В круге
первом» А. И. Солженицына это он изображен под
фамилией Сологдина.

Д. Панин родился в Москве в 1911 году в семье
адвоката. Окончил МИХМ, аспирантуру. В 1940 г.
арестован за разговоры против режима и осужден
на пять лет, а затем особым совещанием вторично
на десять лет, после чего отправлен в пожизнен-
ную ссылку. В 1956-м частично реабилитирован,
работал ведущим инженером НИИ, в 1972-м вые-
хал на Запад, надеясь, что сможет опубликовать
труды, задуманные и написанные во время 16-ле-
тнего заключения. Через все обыски, шумы, пре-
грады сумел сохранить рукописи. По выезде Пани-
на принял папу римского. Панин выбрал для жи-
тельства Францию, ибо знал и любил ее с детства.

Опубликовал мемуары («Лазерные записки»,
отрывки из которых предлагаются сегодня внима-
нию читателей, полностью выйдут в советско-итали-
анском издательстве «Сирин»), философско-соци-
альные работы «Мир-матрикс», «Вселенная глаза
современного человека», «Теория густоты», «Со-
зидатели и разрушители». Широта его размышле-
ний многомерна — от работ по квантовой меха-
нике до духовного возрождения человечества, на-
ходящегося на грани апокалипсиса.

С Солженицыным Панин познакомился и под-
ружились в самом «благородном» из своих лаге-
рей, на «шарашке». Как рассказала Исса Яковле-
ва Панина, от которой я и узнал об удивительной
судьбе ее мужа, отношения между друзьями были
сложными, но переплетались никогда. Исса Па-
нина показывала мне десятки писем
Александра Исаевича. Последнюю восточку в Вер-
монт Дмитрий Михайлович написал за три часа
до кончины в 1987 году. Похоронен на Сент-Же-
невьев-де-Буа.

В своих критических воззрениях Панин шел
далеко дальше, включая Солженицына, и предла-
дал много из того, что сегодня происходит в стра-
не. Он был против системы, потому что видел, как
система ломает человека, считал, что без права
на частную собственность человек неполноценен.
Через всю жизнь пронес жгучую боль за уничто-
жение и унижение русского крестьянства. Он был
против системы, потому что тяжелейшим грузом
на его душу легло искреннее верующее христианство ле-
гло разорение русской церкви, православия. Он был
против системы, потому что считал Сталина и
Гитлера каннибалами и понимал, что бороться на-
до против двух тиранов. Бороться всей России и
всем Западу.

Прямой, бескомпромиссный, целеустремленный,
он со многими не сходился во взглядах и на За-
паде также не склонял ни перед кем своей го-
ловы. Словно в невероятных снах, он видел «измор-
дованную, зачумленную» свою Родину обновлен-
ной, воспрявшей. Чуть ли не до самой смерти в
философских научных изысканиях он вывел
почти сумасшедшим. Сейчас предстает почти ге-
ний.

Дмитрий Панин не забыл. Он возвращается до-
мой. Возвращается пророком. в свое отечество.
Феликс МЕДВЕДЕВ

тив», молился, просил Бога меня набодрить. В
спешах, в которые я потом попал, мне было
отнюдь не сладко, но я ни разу не пожалел, что
не остался на шарашке. Я получил под конец тот
опыт, которым не в состоянии была меня снаб-
дить нынешняя жизнь, и в свою очередь, мне
предоставилась возможность отдать многолетние
накопленные знания и размышления эзковскому
братству, что в условиях шарашки делать не име-
ло смысла.

Придя к такому решению, я с марта месяца
приступил к его осуществлению: демонстративно
не желал работать, задания всячески затягивал и
сдавал только после нескольких напоминаний,
часто огибался, вечером иногда не выходил из
рабочей. Когда весной на повороте вызвали же-
лающих на уборку двора, обратился естествен-
но, только к работам, я нагло изъяснял жела-
ние и целые дни загорал на весеннем солнце.
Никто из инженеров, дорожающих своим положе-
нием, о таком времяпрепровождении не смел и
помыслить.

У Солженицына были свои соображения, чтобы
уехать, и он два раза присоединился к моим вы-
ездам. 19 мая мы мирно беседовали, сгребая
листья, как вдруг к нам подошел знакомый чита-
тель «Круга» младшина и изымающимся тоном
сообщил: «Панин и Солженицын, собирайтесь с
вещами!» В тот же день нас отправили в Бутырки,
откуда через тридцать пять дней этапирова-
ли в Казахстан, в Екисбау. Когда я подошел к
окошку, чтобы сдать записанный на меня из-
мортованный инструмент, секретарь парторгани-
зации, числящийся конструктором, а потому хо-
рошо меня знавший, предложил мне написать
заявление, чтобы меня оставили. Я поблагодарил
и ответил, что в этом не нуждаюсь. Скорей всего
это была злая шутка чистов в инженерных по-
гонах, которых мой независимый вид и слишком
самостоятельное поведение раздражали, и они
решили посмотреть, как я стану хвататься за со-
ломинку, а затем просто посямется над обнаде-
женным человеком. Возможно, что постарелась
дема, выведенная в «Круге» под именем Емичиной.

тотых много других нечестно. На моей родине
встал единичный человек зрелого возраста из
чуждой породы чистых сердец, я режим подав-
ления поставил на них высокую пробу и гаран-
тию крепости.

Таким был Копелев. Как-то раз, в один из
периодов наших мирных с Львом отношений, сидели
мы вечером после ужина на койках. Задумчивая
улыбка блуждала на его губах, и, скнув на мно-
жество панцирей партийности, он прочитал задумше-
но на память из апостола Павла:

«Если я говорю языками человеческими и ан-
гельскими, а любви не имею, то я — медь звеня-
щая или кимвал звучащий. Если имею дар про-
рочества, и знаю все тайны, и имею всякое познание
и всю веру, так что могу и горы переставлять, а
не имею любви, — то я ничто. И если я раздам
все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а
любви не имею, нет мне в том никакой поль-
зы». «Как хорошо сказано, — проронил он. —
Не будь марксизма, стоял бы я за это горой».

— Лев, — ответил я. — Вот сейчас ты настоя-
щий. Брось упираться, мусор не заштыжь. На
пиру муз ты останешься смехом и жалким. На
пиру же возманишь на оружие истину, то будет
мало тебе равных. В моем сердце славянский Пе-
рун свил гнездо: христианство для меня — об-
итель спасения, источник чистоты и великих поуче-
ний... Только, увы, часто, как и большинство лю-
дей, я бываю далек от требований Спасителя... Я
трачу много сил на преодоление соблазнов, на
то, чтобы скрыть свои недостатки, быть отзывчи-
вым, победить высокомерие, насмешливость, ибо
обязан себя исправлять. Ты, наоборот, сознатель-
но себя портишь, но чуть высуешься из своей
скорлупы, как добро из тебя так и лезет. Бедь
ты христиан в душе, и тебе можно только позави-
довать. <...>

Потаповы

С инженером, который в романе «В круге пер-
вом» назван Потаповым, я не сказал на шарашке,
пожалуй, ни одного слова. Я испытывал к нему
резкую антипатию, хотя ни мне, ни другим това-
рищам он не сделал ничего плохого. Достаточно
о нем вспомнить, как я мгновенно зарожусь
презрением, как будто по мне пробегает искра
от индуктора. Но я воспринимаю этот персонаж
Солженицына иначе, чем он.

Для меня Потапов — символ людей доброй во-
ли, которые забыли свой долг, высшие обязатель-
ства перед людьми и полезны на броне прислу-
живать, а по существу — подпирать и спасать ре-
жим террора и угнетения. Он понимал все не хо-
же нас, но никогда не высказывал своих потаен-
ных мыслей, а беседовал только на нейтральных
темах с такими же, как он, умиками. Смертель-
но боялся он не угодить начальству и попасть на
замечку оперуполномоченному. Он был человек
независимых способностей, хороший инженер и
любил из кожи вон, чтобы прослыть наземным
специалистом. В этом он вполне преуспел, уде-
жался дольше всех на шарашке, хотя не был спе-
циалистом по телефону, а обслуживал только
технику измерения. Солженицын назвал его не-
удумленным роботом. Под робота он действительно
маскировался, но недоумности, то есть сомне-
ния, колебания вследствие непонимания, в нем
не было ни на грош. С природным трудолюбием
роботом быть легко, и такое положение дает
много преимуществ: безопасность, хорошее от-
ношение начальства, повышенное питание, предель-
ный в тех условиях заработок, свидания с
женой. Большинство заключенных относилось
к нему благожелательно, так как он отвечал двум
главным требованиям: не был стуком и вором.
В общем восприятии он был человеком положи-
тельным, умел расточать улыбки и пересылал
свою речь цитатами из пушкинского «Евгения
Онегина». Я видел его нутро, и его двойная, по
существу, игра была мне отвратительна. Когда
распространялся о детстве человека, ис-
порченного и разложившегося, думает только о
себе и плюет на остальных — это понятно, и ко
множеству встречавшихся на моем пути я за-
частую испытывал чувство горечи и жалости, видя,
как их страшно изуродовали. С Потаповым дело
обстояло иначе. До 1917 года он успел еще по-
учиться в реальном училище, изучал Закон Бо-
жий, воспитывался в христианской семье, знал,
как многие из его родни и окружения были по-
сажены, расстреляны, высланы... и предполо-
жил забраться в скорлупу благополучия, надев личи-
ну управляемого робота. До войны ему — веду-
щему инженеру Днепровской электростанции —
удалось избежать ареста в 1937 году. Оказавшись
во время войны в плену, он думал только о том,
как уцелеть и по возвращении не испортить от-
ношений со сталинской деспотией, но просчитал-
ся. Исключений для военнопленных не делали;
органы его не щадили и дали десную. В за-
ключении он побивал рекорды трудолюбия и ла-
кейской старательности, после шарашки, на во-
ле, быстро приобрел квартиру, обстановку, ма-
шину, дачу... Ему всегда были безразличны те,
кто борется, недоволен, кого мучают, лишь бы
самому хорошо, а там хоть трава не расти. Таких,
как Потапов, много, и в их среде он был хорошо
принят. О тех, кто действовал, прислушиваясь к
голосу совести, он рассуждал как о неудачниках,
чужаках, лишенных чувства реальности. Случайно
мы встретились у общего знакомого в середине
шестидесятых годов. Потапов был высокочмерен,
самодоволен, как и ранее, не проронил ни слова
в разговорах, которые велись о политических со-
бытиях, и оставил во мне гадкое впечатление.

Потаповы, только постарше нашего героя на
десять, пятнадцать, двадцать лет, яви-
лись истинными виновниками катастрофы, начав-
шейся в 1917 году. <...>

(Почти все персонажи романа Солженицына
имеют своих прототипов. Неркин, Рубин, Конра-
дов, Пряничков, Спирidon списаны как бы
с натуры. Агния, Бобыкин, Иннокентий слеплены
из разных людей. Яковлев, Ройтман, Шикин, Ге-
расимович, Абакумов, Сталин и другие подверглись
творческой обработке автора.)

НА ШАРАШКЕ

О прототипах романа «В круге первом»

Дмитрий ПАНИН

Встреча с Солженицыным

Шарашка, куда поздно вечером в октябре со-
рок седьмого привезли меня и Трушлякова, нахо-
дилась на окраине Москвы, рядом с Останкин-
ским парком, в помещении бывшей духовной
семинарии. Это была самая шарашка — один из
конструкторских и научно-исследовательских
объектов, использующих
труд заключенных, — которой посвящен ро-
ман Солженицына «В круге первом». Ее обита-
тели блестяще им описаны. Когда мы приехали на
шарашку, она была в стадии организации, серьез-
ные работы еще не начинались. Режим для за-
ключенных был сравнительно легким: подъем в
семь утра, отбой в десять вечера, выходить из
помещения можно было в любое время.

Умылившись временно стоял внизу, у входной
двери. Статный мужчина в офицерской шинели
спускался по лестнице, когда на следующее ут-
ро я вытирал лицо выданным мне казенным по-
лотенцем. Мне сразу понравилось открытое ли-
цо, смелые грубые глаза, чудесные русые волос-
сы, нос с горбинкой. Это был Александр Солже-
ницын. После этапа и месяца в московской Бу-
тырской тюрьме я изголодался по воздуху и че-
рез несколько минут тоже высочил за ним. Все-
го несколько эзков гуляли под старыми редкими
липами обширного двора, заросшего травой. С
меня не успели снять еще бандитские доспехи,
поэтому я сразу оказался окруженным старожил-
ками. Солженицын гулял один, поодаль, но, ко-
гда любопытство остальных эзков было удовлет-
ворено, подошел ко мне и предложил пройтись
вместе. Первый краткий наш разговор запомнил-
ся, «Когда я глянул вниз, спускаясь с лестницы,
— сказал мне Солженицын, — а там, внизу, по-
падаешь и увидишь лик нерукотворного Спаса. Об-
чужденный человек Солженицын теперь пи-
шет книги. Мне хочется сказать только, что Сол-
женицын изобразил самого себя исключительно
правдиво и точно в главном персонаже романа
— Глебе Неркине.

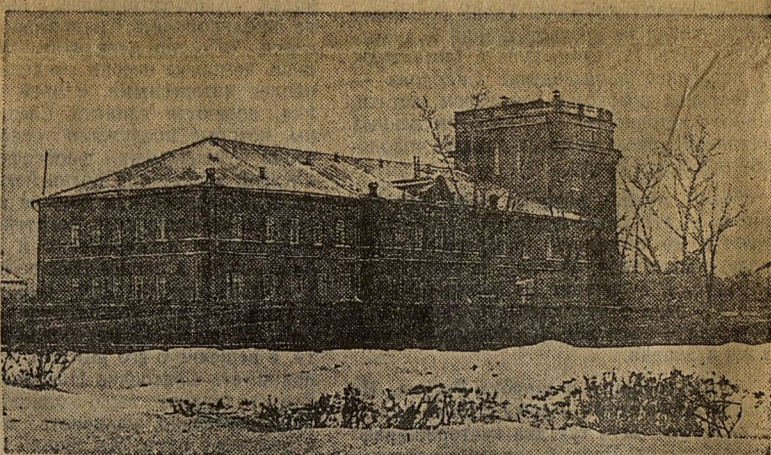
К тому времени, когда Лева Копелев* прибыл
на шарашку, мы были с Саней Солженицыным
уже в дружеских отношениях. Лева тоже коротко
сошелся с Саней, так как у них было много об-
щего: оба воевали на одном фронте, учились в
одном институте, имели ярко выраженную склон-
ность к изыскательской... Лева, владевший ли-
тературной эрудицией, был необыкновенно осве-
домлен также в вопросах истории, политической
жизни страны: их дружба вполне понятна и оп-
равдана. Труднее объяснить, как я зашелся в их
компанию, тем более что со Львом мы расходились
по всем главным вопросам современности и
прошлого. Я думаю, что в то время вошел в их
единство как антитеза и возмущающая сила. Не
влек автору «Круга», который вовсе не обя-
зан был дать политический комментарий, сле-
дует сказать, что описанные так споры Рубина и
Сологдина — лишь бледная тень того, что было
на самом деле. Как нападательная сторона Солог-
дин вынужден был называть вещи своими именами
и громить сталинский режим совершенно бес-
компромиссно. Это вызывало ярость и резкие
возражения Рубина, так как невозможно было
защитить эту систему по существу. За любой
спор один мог заработать срок в двадцать пять
лет за «клевету», а другой десять лет за недоу-
мительство. Вряд ли следовало описывать эти споры
в романе, написанном для московского журна-
ла «Новый мир», и в «Круге» они даны в очень
смягченном варианте.

Первые полгода, когда работа шарашки только
налаживалась, мы проводили много прекрасных ве-
черов в помещении библиотеки. Лев рассказывал
о своих фронтowych приключениях и делился на-
блюдениями о немцах, с которыми встре-
чался как переводчик. До сих пор мне жалко,
что только несколько вечеров были посвящены че-
стно стику. Оба — Лев и Солженицын — декла-
мировали изумительно. Однажды я упустил из
почитать раннего Маяковского. Лев выбрал отрыв-
ки из поэмы «Облако в штанах», а Саня — «Флей-
ту-позвоночную». Оба не жаловали поэтов, но
читали все равно его стихи с большим пониманием.
На мой взгляд, пальма первенства принадлежала
Сане, так как, обладая артистическим талантом,
он мимикой дополнял звучание и смысл стихов.
В двадцать годы я не разделял переживания
моих сверстников, увлекавшихся Есениным, Ма-
яковским, Пастернаком. Первый казался мне про-
сто-таки и непонятным; второй был не-
навиствен ярой советской политической направле-
нности; третий вызывал зевоту. До «Доктора Жи-
ваго» ему предстояло тогда еще покататься в
советском котле лет тридцать. Однако в лагере
я впервые взял как следует в руки Маяковского,
и в ту же ночь он затронул струны моей ду-
ши грубой силой и наглостью, гармонируя с ок-
ружающими нас лагерным зловонием. Впоследствии,
в ссылке, я основательно разоблачил его
творчество и неразрывно связанный с ним лич-
ности, но на шарашке нас забавляли его ранние
стихи периода увлечения футуризмом и жонде-
ния в желтой кофте.

Солженицын — человек уникальной энергии, и
сама природа создала его так, что он не знал
усталости. Он настынно терпел из вежливости на-
ше общество, про себя жалея часы, пропавшие
из-за такого времяпрепровождения, но зато, ко-
гда в ушах или разрешал себе поразвлечься,
мы получали истинное наслаждение от его шуток,
острот и выдумок. В таких случаях ругали Саню
усиливался, но белея и становился как бы выпес-
ленным из албастра. Не часто выходило наружу
и другое его качество — присущий ему юмор.
Он умел подмечать тончайшие, ускользающие
обычно от окружающих шутки, жесты, интона-
ции и артистически воспроизводить их комизм, так
что слушатели буквально катались от хохота. Но
разрешал он себе это, увы, крайне редко, и са-

Л. Копелев, А. Солженицын и Д. Панин, 1963 г.

Марфинская шарашка. Фото 60-х А. Солженицына из архива Н. Решетовской

мом узком кругу и только тогда, когда видел,
что это не идет в ущерб его занятиям.

В свои произведения, принадлежащие мировой
литературе, Солженицын сумел вложить тонкий
юмор в великолепной дозировке; как жемчуг, он
распылен и в романе «В круге первом». В рус-
ской литературе почти отсутствует мягкий смех,
так как бичующая сатира — иной природы, и для
меня по этой причине Солженицын занимает,
бесспорно, первое место.

Гораздо чаще организатором вечеров был Лев,
и первые месяцы прошли преимущественно под
его знаком. Как-то я повелел своим ли-
тературным друзьям, что на очень редкие русские
литературы почти отсутствует мягкий смех,
так как бичующая сатира — иной природы, и для
меня по этой причине Солженицын занимает,
бесспорно, первое место.

С годами я несколько изменил свою оценку: я
стал считать, что удачно подобранный сборник
стихов Есенина сможет возжечь любовь к земле
и нормальной крестьянской доле в тех, у кого эти
чувства специально вытравливались в колхозные де-
стипетия. Лев пробовал приучить нас к Бар-
толому, но не преуспел: не понравилась ни форма, ни
содержание. Зато Лева покорила нас исполнением
романсов Вертинского. Он не только с большим
чувством воспроизводил мелодию и слова, но
удачно копировал характерные жесты, и, глядя
на него, я охотно извлек все его увлечения мар-
ксизмом-ленинизмом-сталинизмом.

Друзья всюду были моей семьей. Так было и
на шарашке: восьмая заповедь зало подтвержде-
ла свою правильность.

Реабилитация Сологдина

[...] Я не поклонник философии Гегеля, так как
его общая схема ошибочна в центральном своем
положении: абсолютный дух познает себя в своем
развитии. Такой слепорожденный дух не может
существовать даже в лагу. У меня не вызывало
сомнений, что Бог творит в полную силу своего
сверхъестественного гения, создает развивающиеся ми-
ры, наблюдает их становление, корректирует, ис-
следует объекты со свободной волей... Бог — это
любовь, истина, свобода, а они требуют ясного
сознания с самого начала творчества.

С другой стороны, открытые гением Гегеля за-
коны развития делают его равным Ньютону и

Эйнштейну, и удивительно, что он их извлек в ме-
тафизических высотах и лишь впоследствии наме-
тил их приложимость также к соотношениям зем-
ной жизни.

Мои упреждения в освоении законов развития
нашли отражение в разговорах Неркина с Солог-
диным и в спорах последнего с Рубиным в романе
«В круге первом».

Весной сорок восьмого шарашку передали в
распоряжение Министерства государственной бе-
зопасности (МГБ). Я попал в конструкторское бю-
ро, Саня и Лев — в акустическую лабораторию.
Я постарался занять место, давшее мне наи-
большую самостоятельность и наименьшую за-
висимость. В то время у меня возник план объясне-
ния мира из одного истока, и я поставил себе
цель — понять физические основы механики.
<...> Для поисков требовались время и спокой-
ствие. Первое было в моем распоряжении, так
как я широко применил седьмую заповедь эзков:
«мораль рабов — чекмисты; второе я черпал в
молитве, а впоследствии, частично, и в югине.

В бюро было два вида работ: нужные чертежи
панелей с комплектованием их в стены и разра-
ботка механических шифраторов. Вторая работа
была несложнее, так как я ее осудил как укреп-
ляющий режим сталинизма.

Я спокойно и успешно продолжал работать на
шарашке, а затем от варваров и штурмовщины. В
семь был подан, после захода я глянул до ча-
су и с двух до восьми работал, причем в основ-
ном не на органы, а с девяти до половины
одиннадцатого устраивал ежедневное вечернее
бдение, опять — на себя. Для укрепления здо-
ровья я спал всегда под открытым окном, в вос-
кресенье, кроме дров, никакой работой не зани-
мался. Питание я получал по низшей категории,
кроме того, выдавали на теперешние деньги три
рубля в месяц; отношение начальства ко мне бы-
ло в лучшем случае прохладное, и на досрочное
освобождение никаких надежд не было. Но зато,
занимаясь гимнастикой, я распределял свое вре-
мя таким образом, что мог читать несколько книг
в месяц и беседовать с друзьями.

Внезапно четвертого ноября нормальный ритм
был нарушен, и человек двадцать эзков, в том
числе профессор Тимофеев, Лева и меня, от-
вели в Бутырки, где мы просидели целую неде-
лю. Строго говоря, обижаться было не на что:
мы жили по сравнению с лагерниками в свое
удовольствие, и ничего страшного не было в
том, чтобы недели две в году провести в закры-
тии. Я легко переломил бы в себе обиду, если бы
не досаждал так на стуканей, которых расплоди-
ли в невероятных количествах при полной безна-
казанности. В атмосфере усиливающегося пси-
хологического террора, я распределял свое вре-
мя таким образом, что мог читать несколько книг
в месяц и беседовать с друзьями.

Несколько месяцев я уединялся от друзей на
дневных прогулках, возмещая все «за» и «про-

*Изображен под именем Рубина в романе «В круге первом».